

Русский консерватор: о системе политических воззрений К. П. Победоносцева 1870–1890-х годов

Андрей Тесля

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии
социально-гуманитарного факультета Тихоокеанского государственного университета
Адрес: ул. Тихоокеанская, д. 136, г. Хабаровск, Российская Федерация 680035
E-mail: mestr81@gmail.com

Константин Петрович Победоносцев (1827–1907) — один из наиболее известных и политически влиятельных представителей русского консервативного и националистического направления мысли. На протяжении четверти столетия он занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода и эффективно воздействовал на идеологическую политику Российской империи по ряду направлений, отнюдь не ограничиваясь вопросами в узком смысле слова религиозными. В статье показано, что мировоззрение Победоносцева было очень цельным, его взгляды на протяжении десятилетий почти не менялись, а это, в свою очередь, имело решающее значение для его политической деятельности. На основе отдельных высказываний Победоносцева в статьях и в переписке в статье реконструируется система представлений об устройстве российской монархии и «простом народе». Показано, что «простой народ» и «простые люди», с точки зрения Победоносцева, — это специфические понятия, имеющие определенное политическое значение. «Простота» понимается Победоносцевым как способность «верно чувствовать», как подлинность непосредственных реакций, которую могут лишь исказить воздействия со стороны или развитие рефлексии. Размышляя о природе русской монархии, развивая представления об идеальном «Русском Государе», Победоносцев полагал, что такие, как он, необходимы престолу, поскольку могут выступать выразителями чувств и чаяний «простых людей», а иногда и непосредственно — в качестве «простого человека», способного в соответствии с «народным чувством», «традицией» и «преданием» реагировать на происходящее. Отдельно анализируется понятие «свобода» в представлении Победоносцева и его соотношение с такими понятиями, как «авторитет» и «свободная сила».

Ключевые слова: Победоносцев, бюрократия, консерватизм, национализм, славянофильство, контрреформы 1880-х годов

Бедный мы, бедный народ, сироты Господни, овцы без пастырей!.. Есть что-то таинственное и роковое в этой нашей бедности, в отсутствии всяких у нас запасов и сбережений, кроме запасов церковного предания.

К. П. Победоносцев — Е. Ф. Тютчевой,
письмо от 12 июня 1881 г.
(цит. по: Полунов, 2010а: 98)

Константин Петрович Победоносцев (1827–1907) является одним из наиболее известных представителей консервативного направления русской общественной мысли. Его биография, государственная и научная деятельность закономерно привлекали и привлекают внимание поколений исследователей¹, но число научных работ, специально посвященных изучению системы его идеологических воззрений, — не очень велико, из их числа по фундированности выделяются труды Р. Бирнса (1968), Е. В. Тимошиной (2000) и А. Ю. Полунова (2010а). Нашей целью является представить систему политических воззрений Победоносцева в 1870–1890-х годах, когда она обрела свою завершенность. Не подменяя конкретно-исторического исследования, мы стремимся представить его политические воззрения этого периода как единую и последовательную систему взглядов, нашедшую свое выражение в разнообразных источниках, начиная с газетной публицистики и заканчивая эпистолярной.

Взгляды Константина Петровича Победоносцева, как и всех мыслящих людей, претерпевали с возрастом и с ходом событий в стране и в мире изменения — однако примечательно не это обстоятельство, а то, что масштаб этих изменений, касавшихся политического мировоззрения Победоносцева в зрелом возрасте, оказался довольно незначительным. Разумеется, в 1880-е годы Победоносцев не написал бы таких строк, которые адресовал К. Д. Кавелину в 1860-х: «Цензура у нас стала просто черный кабинет... терзают и режут все печатное; циркуляры сыплются один за другим из П[етер]бурга... Литературе нашей очень плохо приходится» (цит. по: Репников, 2010: 362). В позднейшие годы «литература» и терзания «печатного» вызвали у него мало сочувствия (см.: [Победоносцев], 1935), однако если обратиться к первому значительному публицистическому выступлению Победоносцева, его памфлету «Граф В. П. Панин. Министр юстиции», вышедшему в качестве VII книжки «Голосов из России» в герценовской типографии в Лондоне в 1859 году, то, кроме места издания, в ней мало что удастся найти радикально непримиримого с его позднейшими взглядами. В ней присутствуют и основные понятия, которыми в дальнейшем будет оперировать Победоносцев, в первую очередь «жизнь» — так, именно в вину николаевскому царствованию он ставит утрату «живого отношения» правительства «к народу» ([Победоносцев], 1859: 5): «Идея о патриотизме, которую покойный государь открыто стремился превратить в понятие о службе

1. См. библиографические обзоры: Тимошина, 2000: 4–8; Полунов, 2010а: 4–24; замечательный обзор карьеры и воззрений Победоносцева как цивилиста дан в работах: Тимошина, 2002а, 2002б.

правительству, как будто вовсе исчезла из сознания наших правителей от мала до велика; служба государственная почти повсеместно — сделалась службою — лицу Начальника, или службою маммону» ([Победоносцев], 1859: 6–7).

Основной порок русской современности публикующийся у Герцена молодой обер-секретарь Общего собрания московских департаментов Сената и профессор юридического факультета Московского университета видит в том, что «Императорская власть, при нынешнем развитии Министерской, сделалась мифом, не имеющим существенного значения. Государь вверяет власть свою Министрам, все, что знает, знает от них и покрывает все их действия своим именем! Не так бывало прежде, при Петре, при Екатерине, — но преемники их к несчастью пожертвовали отвлеченной пустой идее власти всем существом ее...» ([Победоносцев], 1859: 13), тем более угрожающий, что подобное положение вещей неизбежно разрушает идею царской власти ([Победоносцев], 1859: 14).

Лекарство же к исцелению этих бед, по крайней мере бедствий министерства юстиции, он видит в реформе Сената, возвращении к первоначальному, петровскому пониманию этого учреждения (в духе Державина, предлагавшего схожее молодому Александру I) и восстановлении власти генерал-прокурора как самостоятельной фигуры и независимости суда — в скромном смысле независимости от министра юстиции ([Победоносцев], 1859: 34–35, 92).

Наиболее авторитетный сегодня исследователь жизни и творчества Победоносцева А. Ю. Полунов отмечает, что тот дважды достигал максимального политического влияния — в 1881–1883 годы и в конце 1894 — начале 1895 года, оба раза оказавшись в роли «наставника» при относительно или просто молодом и, что гораздо более важно, неопытном в государственных делах и растерянном в новой ситуации государе (Полунов, 2010б). И оба раза Победоносцев довольно быстро утрачивал приобретенное влияние. Отчасти это связано с тем, что он не столько медленно его добивался, сколько самим ходом событий оказывался ближайшей или одной из ближайших к государю политических фигур — тем, кто одновременно мог дать совет в государственных делах и восприниматься как «близкий человек», тот, к кому император испытывал личное доверие. Не столько он стремился преобладать, сколько к нему обращались — и утрата влияния происходила одновременно с тем, как эти обращения делались все реже, находились новые советники и/или сам государь получал опытность в делах, а самозванные советы со стороны «наставника» все чаще начинали восприниматься как обращения старого ментора, которые требуют, по возможности, вежливого ответа, но которые не следует воспринимать слишком всерьез.

Однако более важным, как нам представляется, была другая сторона дела, отмеченная уже современниками, — государи, отец и сын, не столько переставали нуждаться в советах наставника, сколько они не получали тех советов, на которые рассчитывали или к которым вынуждались ситуацией. После того как проходила первая, кризисная пора, когда Победоносцев давал силу отвергнуть предлагаемые планы реформ или хотя бы обещания последних, возникал вопрос другого рода,

теперь уже позитивный — о программе государственной политики — что надлежит делать взамен отвергнутого? И здесь казалось, что у Победоносцева нет никакого ответа — как писал, выражая едва ли не общее мнение, прот. Г. Флоровский, «это был человек острого и надменного ума, „нигилистического по природе“... Это был безочарованный скептик» (Флоровский, 1989: 411). С. Ю. Витте, цитату из которого приводит Флоровский, дал известную оценку Победоносцева:

Это был человек несомненно высоко даровитый, высоко-культурный и, в полном смысле слова, человек ученый. Как человек он был недурной, был наполнен критикою разумною и талантливою, но страдал полным отсутствием положительного жизненного творчества; он ко всему относился критически, а сам ничего создать не мог. Замечательно, что этот человек не в состоянии был ничего воспроизводить ни физически, ни умственно, ни морально. (Витте, 1924: 250)

Характерный анекдот сохранил в своем дневнике государственный секретарь А. А. Половцов, рассказывавший, как «после заседания [Государственного совета] Абаза, проходя мимо группы, в которой стоял Победоносцев, обратился к нему со словами: „И ничего во всей природе благословить он не хотел“» (Половцов, 2005: 449, запись от 21 апреля 1886 г.). Он выступал критиком и тех проектов преобразований, которые оценивались как «консервативные», — так, серьезное противодействие с его стороны вызвал закон о земских начальниках, ставший одной из наиболее известных мер в так называемой «политике контрреформ» (см.: Победоносцев, 1926: 104–106, письмо от 18 апреля 1886 г.; Христофоров, 2011: 342–343), в 1886 г., критикуя в Государственном совете проект закона о найме на сельскохозяйственные работы, существенно расширявший права нанимателя по отношению к работнику (ПСЗ РИ-III, № 3803), Победоносцев, «в весьма талантливой речи», по словам государственного секретаря А. А. Половцова, представил «картину пореформенной России, где никакой на месте внушающей доверие власти не существует, а между тем обсуждаемый законопроект вносит в отношения сельского населения подробную регламентацию, долженствовавшую внести в трудовую жизнь известное раздражение» (Половцов, 2005: 448–449, запись от 21 апреля 1886 г.). П. А. Зайончковский находил, что в данном случае обер-прокурор «по существу, критиковал проект „слева“» (Зайончковский, 1970: 196), и А. Ю. Полунов приводит данное суждение без возражений (Полунов, 2010а: 290, прим. 2). Однако с данной оценкой сложно согласиться — точнее, это тот случай, когда по конкретному вопросу возможная критика «слева» и «справа» совпадает, радикально расходясь в основаниях. Если для критиков «слева» речь шла о противодействии расширению административной власти землевладельца, нанимающего сельских работников, как ущемляющему интересы последних, подлежащих первоочередной защите, то для Победоносцева суть дела заключалась в том, что монархия не должна становиться защитником чьих бы то ни было сословных или классовых интересов как таковых. Ей, для того, чтобы не только соответствовать своему идеальному пред-

назначению, но и сохранять опору в обществе, надлежало быть надсословной и надклассовой, выступать не столько в роли арбитра (что предполагало бы соствяжание разных сил), сколько как воплощение «общего дела» и «общей воли». Так, 26 марта 1898 г. Победоносцев писал Витте, критикуя политику покровительства поместному дворянству: «Создано учреждение земских начальников с мыслью обуздать народ посредством дворян, забыв, что дворяне одинаково со всем народом подлежат обузданию» (Витте, Победоносцев, 1928: 101)².

Победоносцев критически относился, как правило, к любому роду инициатив, которые, на взгляд Витте, были «делом», не важно, «прогрессивным» или «консервативным», поскольку его программа — если можно говорить о таковой — заключалась в возможности «обжить» уже существующие институты, приспособить их к жизни, что лучше всего сделают сами люди, а не очередные установления.

Воззрения Победоносцева нередко определялись как близкие к «славянофильским», «народнические» или «почвеннические» (Флоровский, 1989: 410), как «националистические» (Карпович, 2012: 224) и т. д. Для каждой из этих характеристик есть свои резонные основания. Константин Петрович не только был близок к славянофильскому кругу, в первую очередь к И. С. Аксакову (окончившему Училище правоведения двумя годами ранее и, как и Победоносцев и вместе со многими другими воспитанниками Училища, сохранивший на всю жизнь верность братству «правоведов») и к Н. П. Гилярову-Платонову (см.: [Гиляров-Платонов, Победоносцев], 2011), но и разделял многие из славянофильских представлений. Славянофилам же он казался, по крайней мере до назначения обер-прокурором, человеком, сходным с ними образом понимающим церковь. Так, Аксаков писал сестре Софье по получении известия об отставке гр. Д. А. Толстого и назначении Победоносцева на должность обер-прокурора Св. Синода: «Это последнее назначение наилучшее, потому что Победоносцев глубоко-верующий и церковный человек, Командиром Церкви не будет»³. Свидетельства о близости Победоносцева и Достоевского хорошо известны (см.: Гроссман, 2015 [1934]; Твардовская, 1990), напомним лишь знаменитый фрагмент из письма Победоносцева наследнику престола, написанного в день похорон Достоевского: «Мне очень чувствительна потеря его: у меня для него был отведен тихий час, в субботу, после всенощной, и он нередко ходил ко мне, и мы говаривали долго и много за полночь» (Победоносцев, 1925: 311, письмо от 1 февраля 1881 г.). Националистский характер воззрений Победоносцева не

---

2. Более чем за двадцать лет до этого Победоносцев, например, пересылал цесаревичу Александру Александровичу изданную в Берлине брошюру Ю. Ф. Самарина и М. Ф. Дмитриева «Революционный консерватизм», направленную против пропагандируемых Р. А. Фадеевым дворянско-консервативных воззрений, сопровождая ее осторожным, но сочувственным письмом, где, в частности, говорил о Фадееве: «Там, где автор принимается сочинять основания новых рекомендуемых им порядков, предположения его, равно как и основания новых проектов, обсуждаемых ныне дворянами, оказываются очень слабы».

Во всяком случае, кто читал книгу Фадеева и отдавал справедливость его таланту, тому необходимо ознакомиться и с возражениями на его мысли, для того, чтоб не увлечься односторонностью взгляда в таком важном предмете» (Победоносцев, 1925: 36, письмо от 20 марта 1875 г.).

3. ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. Ед.хр. 17. Л. 300б., письмо от 21 апреля 1880 г.

составляет сам по себе предмета полемики. Однако неточность всех этих характеристик была очевидна и их авторам, обычно закономерно сопровождавшим их оговорками и ограничениями. Так, в отличие от славянофилов, Победоносцев никогда не утверждал в качестве существенного положения убеждение в «мессианском предназначении» России и/или православия, его рассуждения о России было повернуты «вовнутрь». Он не предполагал (но и не отрицал) веры в ее вселенское призвание, а отстаивал местное своеобразие как самоценность, причем для самих обитателей страны⁴. В этом отношении его позиция сходилась со столь чтимыми им основоположниками германской «исторической школы» (см.: Тимошина, 2000: 30–48) и с Монтескье, неоднократно им упоминаемым (и с «Духом законов» которого он, в качестве высшей оценки, вровень ставит «Основную конституцию человеческого рода» Ле-Пле: [Победоносцев], 1897 [1893]: XXXI): установления и обыкновения не имеет смысла оценивать абстрактно, как хорошие или дурные сами по себе — то, что в одном месте и в одно время оказывается совершенным, перенесенное в иные обстоятельства, окажется непригодным. Посему «местные установления» и «местные обыкновения» оказываются ценными уже по одной той причине и заслуживают бережного отношения, что они — хорошо или плохо — удовлетворяют существующие здесь и сейчас потребности, они приурочены к местным нравам, и даже их недостатков, вполне очевидных, следует решительно избегать касаться — поскольку к ним также успела приурочиться местная жизнь, они тоже стали частью целого, которое без них, вполне возможно, будет функционировать хуже, чем с ними, ведь нельзя заведомо учесть, со сколь многими другими, вполне положительно оцениваемыми, элементами и формами местной жизни оно оказалось взаимосвязано. В первую очередь Победоносцев был консерватором — редким в русской интеллектуальной жизни персонажем, так как в большинстве случаев «русский консерватизм» предполагал иной, чем «либеральный» или «радикальный», но план реформирования государства и общества.

Мировоззрение Победоносцева как в капле отлилось в письме к Александру III в ответ на прошение г-жи Жадовской дозволить ей повторное вступление в брак (поскольку при разводе она была объявлена виновной стороной и, соответственно, согласно ст. 253 Устава духовных консисторий, осуждена на безбрачие⁵). Подробно обосновав недопустимость отклонения от существующих узаконений,

---

4. В славянофильстве И. С. Аксакова Победоносцев видел, собственно, либерализм — только в отличие от того политического течения, которое обыкновенно называлось именем в России, использующим националистическую риторику. Так, в 1881 г. он писал Е. Ф. Тютчевой: «Разве не противоречие исходить из русского чувства народного — и проповедовать либеральные начала, выразившиеся в формуле западного просвещения, например свободу печати» — и в другом письме к тому же адресату задавался вопросом в ответ на критику со стороны Аксакова либерализма: «А сам-то он кто, как не либерал по тому же западному типу, которого в своем либерализме не узнает, потому что одел его по своей фантазии в русское платье из лоскутов» (Полунов, 2010а: 150). В дальнейшем, уже после смерти Аксакова, подобный упрек будет публично адресован славянофилам как защитникам свободы печати: «ходячего положения новейшего либерализма» (Победоносцев, 1996: 302).

5. Норма эта действовала для виновной стороны, независимо от пола, с 1811 по 1904 г. (до 1811 г. воспрещение действовало только для жены). См.: Загоровский, 2003 [1909]: 116–119.

Победоносцев далее предлагает выход — в виде высочайшего принятия просьбы «о прекращении дел о незаконности брака, уже совершенного»:

Здесь нет *прямого* вмешательства в церковную юрисдикцию. Брак совершен священником, хотя и вопреки церковному запрещению; супруги живут вместе и прижили детей. Начинается дело о незаконности брака, большею частью по доносу. В таких случаях объявляется иногда высочайшее повеление: *приостановить* в консистории производство о незаконности брака. Таким образом брак остается фактически, как он был первоначально записан, то есть в виде законного.

Такие высочайшие повеления объявлялись неоднократно и от имени вашего величества, по моему докладу. Вот *единственное* возможное средство в подобных случаях. Пусть и г-жа Жадовская ищет, как ей угодно, помимо участия верховной власти, способа обвенчаться; затем может и не возникнуть вовсе вопрос о незаконности этого брака, а если возникнет, тогда уже может она обратиться к монаршему милосердию. (Победоносцев, 1926: 35–36, письмо от 23 мая 1883 г.)

Аргументация, к которой прибегает Победоносцев, носит трехплановый характер — отстаивая свои воззрения перед публикой, он далеко не всегда стремится убедить в них оппонентов, более того, признает возможность добросовестно придерживаться тех или иных, весьма далеких от его собственных, взглядов. Критика популярных воззрений ведется им, во-первых, со скептических позиций — притязания знания всегда носят частный характер, то, что теперь считается научным, в дальнейшем, вполне вероятно, лишится этого статуса. Потому несоответствие тех или иных представлений ныне господствующим научным подходам, не говоря уже о воззрениях, распространенных в образованном обществе, само по себе не может быть безоговорочным критерием их неверности.

Однако Победоносцев отнюдь не считает, что его оппонентом является исключительно «неверие» — напротив, он обращает внимание на попытки создать иную веру, соответствующую времени, поскольку в старую веру больше нет возможности верить. Более того, он не считает, что подобное невозможно — его аргумент принципиально иного рода:

Такая религия, какую воображает себе Милль, может быть, пожалуй, достаточна для *подобных ему мыслителей* [выделено нами. — А. Т.]... В народе такая религия, если бы могла быть введена когда-либо, оказалась бы поворотом к язычеству. *Народ, который нельзя себе представить в отделении от природы* [выделено нами. — А. Т.], если бы мог позабыть веру отцов своих, снова олицетворил бы для себя как идею вселенную, разбив ее на отдельные силы, или то человечество, которое ставят ему в виде связующего духовного начала, разбив его на представителей силы духовной, — и явились бы только вновь многие живые боги вместо единого Бога истинного... (Победоносцев, 1996: 371)

Вновь и вновь апеллирует Победоносцев к просвещенческой логике защиты «предрассудка» и «суеверия» — критика последних может быть адресована только тем, кто сам вполне «просвещен», способен выносить собственные суждения, и следовательно — не должна быть доступна массам, «народу»: «...этого не хотят знать народные реформаторы... Из-за обрядов и форм они забывают о сущности учреждения и готовы разбить его совсем, ничего в нем не видя, кроме грубости и обрядного суеверия. Сами они думают, что перешли через него, пережили его и могут без него обойтись, забывая о миллионах, которым оно доступно по мере быта и духовного развития их лишь в этой грубой обрядности» (Победоносцев, 1996: 383, ср.: 361–363). Здесь уже можно заметить третью линию аргументации — Победоносцев не соглашается видеть в «суеверии» лишь «суеверие», но утверждает, что если даже и так, если встать на точку зрения оппонентов — каким образом сможет обойтись без него тот, кто не дорос до иного:

Есть в человечестве натуральная, земляная сила инерции, имеющая великое значение. <...> Сила эта, которую близорукие мыслители новой школы безразлично смешивают с невежеством и глупостью, безусловно необходима для благосостояния общества. Разрушить ее — значило бы лишить общество той устойчивости, без которой негде найти и точку опоры для дальнейшего движения. В пренебрежении или забвении этой силы — вот в чем главный порок новейшего прогресса. (Победоносцев, 1996: 310)

Дело не только в том, что «большинство» не доросло или не способно к «логическому мышлению» — независимо от этого «в большей части случаев невозможно довериться действию одной способности логического мышления в человеке» (Победоносцев, 1996: 310). Если бы было иначе, то человек стал бы «послушным рабом всякого рассуждения, на которое он не умеет в данную минуту ответить» (Победоносцев, 1996: 311):

Стоит только признать силлогизм высшим, безусловным мерилom истины, — и жизнь действительная попадает в рабство к отвлеченной формуле рассудочного мышления, ум со здравым смыслом должен будет покориться пустоте и глупости, владеющей орудием формулы, и искусство, испытанное жизнью, должно будет смолкнуть перед рассуждением первого попавшегося юноши, знакомого с азбукой формального рассуждения. Можно себе представить, что случилось бы с массой, если бы удалось, наконец, нашим реформаторам привить к массе веру в безусловное, руководительное значение логической формулы мышления. В массе исчезло бы то драгоценное свойство устойчивости, с помощью коего общество успевало до сих пор держаться на твердом основании. (Победоносцев, 1996: 311)

Иначе говоря, теперь «масса» оказывается неустойчивой, нуждающейся в защите и попечении именно потому, что способна поверить в одну «способность логического мышления», принять на веру силлогизм как «безусловное мерило исти-

ны» — тогда как более разумный человек, действительно просвещенный, обретает в самом разуме противоядие против чрезмерных притязаний от имени разума.

Весьма характерна в данном случае трактовка Победоносцевым «свободы церкви» и «свободы веры». Победоносцев, во-первых, соглашается с тем, что подлинная вера свободна — и никакой другой она быть не может. Однако из этого он не считает нужным сделать тот вывод, к которому призывают, например, славянофилы, говорящие о необходимости освобождения церкви от синодальной опеки или, например, о прекращении репрессивных действий в отношении раскольников. Согласно Победоносцеву, это значит провозгласить принцип, не желая соотносить его с обстоятельствами. Объясняя свою позицию Е. Ф. Тютчевой, он говорил на исходе 1881 года:

Вы писали мне недавно о принуждении в делах веры, что душа ваша не принимает этого. Да чья же душа может это принять! <...> ...сколько бы мы не говорили о свободе и непринуждении в делах веры, слово это, в существе истинное, будет так же рассыпаться в соприкосновении с действительностью, как слово проповедников мира о беззаконии и греховности войны. <...> церковь наша — одно с народом — не лучше его и не хуже. В этом ее великое качество. Но Государство обязано понять его и обязано защитить ее. От кого? от целой армии дисциплинированных врагов ее и наших — всяких вероисповедных пропагандистов, которые, пользуясь простотою народной, бездействием правительства, условиями пространства и бедной культуры, врываются, как волки, в наше стадо, не имеющее достаточно пастырей. Стадо это — наша будущность; что сегодня не может быть в нем возделано, то будет возделано через десятки лет, но покуда — мы должны оберегать его от волков. ([Победоносцев К. П.], 1995: 184, 185–186, письмо от 20 декабря 1881 г., ср.: Победоносцев, 1996: 264–277)

Впрочем, сам Победоносцев вполне воспринимал понятийное напряжение, существующее между утверждением «свободы церкви» и отстаиванием попечительной и ограничительной политики. Так, в статье «Болезни нашего времени», наиболее пространной из включенных в «Московский сборник», он предпринимает попытку дать новое понимание «свободы». Последняя трактуется им теперь исключительно нейтрально — она «есть... лишь естественное условие причинной связи в действиях воли человеческой. В этом смысле она производит явления и действия самые противоположные — добрые или дурные, полезные или вредные и гибельные» (Победоносцев, 1996: 348). Посему теперь требование «свободы» выступает как неопределенное — свобода не есть благо само по себе, а нечто, что в своем характере как блага или зла обусловлено иным. Так как не всякая свобода есть благо, то она подлежит ограничению извне — и источником этого ограничения является «авторитет» (Победоносцев, 1996: 348, об истории данного понятия см.: Марей, 2017). Если бы последний имел только внешний характер, то борьба эта «не имела бы исхода», однако «в душе человеческой» есть «внутренний судья», «совесть, средоточие и опора суда нравственного», которая «одна дает нашим дей-

ствиям правую силу» (Победоносцев, 1996: 348) — т. е. то, что способно признать требование авторитета как справедливое и сотворить из воли «силу свободную», т. е. господствующую «над побуждениями инстинкта» (Победоносцев, 1996: 348). «Авторитет» тем самым трактуется как то, что накладывает на нас ограничения, которые нами могут признаваться несправедливыми, но мы признаем за ним право накладывать их на нас или не можем противиться им (т. е. в данном случае Победоносцев сливает воедино *auctoritas* и *potestas*, мысля скорее второе как частный случай первого, то, что возможно только постольку, поскольку в конечном счете отсылает к некоему авторитету) — а гармоничное состояние заключается в совпадении требований справедливости и накладываемых на нас извне ограничений и накладываемых нами на самих себя.

В целом предложенная им теоретическая рамка применительно к российской монархии включала пять элементов:

1) самодержца — личное начало власти и одновременно персонифицированный принцип, стоящего над любыми группами, сословиями и классами, но при этом монарха «национального», «русского»: он должен был быть «Русским Государем» (Победоносцев, 1996: 166), царем «народа»⁶ (господствующего), по выражению «Московского сборника», в то же время соблюдая справедливость в отношении прочих⁷. Всякая власть стоит верою, «доверие массы народа к правителям основано на вере, т. е. не только на единоверии народа с правительством, но и на простой уверенности, что правительство имеет веру и по вере действует» (цит. по: Ведерников, 2010: 35), а в идеале самодержец сливает душу с народной. Так, перед коронацией Победоносцев писал Александру III: «Господь да хранит вас, всемиловитивейший государь, в тишине уединения, пока народная душа готовится соединиться с вашею в великом акте венчания» (Победоносцев, 1926: 32–33, письмо

6. Готовя текст манифеста о коронации, Победоносцев извещал государя о внесенных поправках: «Еще одно примечание. В конце у меня поставлено: попечение о благе *народа*, а не *народов*, как сказано было в прежней и в печатной редакции. И в 1856 году это слово: *народов* — казалось странным. Замечали, что австрийский император может говорить о своих *народах*, а у нас *народ* один и власть единая» (Победоносцев, 1926: 4, письмо от 14 января 1883 г.).

7. Победоносцев считал неприложимым парламентское представительство к российским условиям: «Мы видим теперь, что каждым отдельным племенем... овладевает... желание иметь свое самостоятельное управление со своею, нередко мнимою, культурой. И это происходит не с теми только племенами, которые имели свою историю и, в прошедшем своем, отдельную политическую жизнь и культуру, но и с теми, которые никогда не жили особою политическою жизнью. Монархия неограниченная успевала устранять или примирять все подобные требования и порывы и не одною только силой, но и уравнением прав и отношений под одною властью. Но демократия не может с ними справиться, и инстинкты национализма служат для нее разъедающим элементом: каждое племя из своей местности высылает представителей — не государственной и народной идеи, но представителей племенных инстинктов, племенного раздражения, племенной ненависти и к господствующему племени, и к другим племенам, и к связующему все части государства учреждению. Какой нестройный вид получает в подобном составе народное представительство и парламентское правление — очевидным тому примером служит в наши дни австрийский парламент. Провидение сохранило нашу Россию от подобного бедствия, при ее разноплеменном составе. Страшно и подумать, что возникло бы у нас, когда бы судьба послала нам роковой дар — всероссийского парламента! Да не будет» (Победоносцев, 1996: 293).

от 10 мая 1883 г.); о самом акте: «Мы стояли и плакали, и вашему величеству послал господь радость великую, в которой поистине душа ваша сливалась с народной душою. <...> У всех теперь точно великая поэма народной жизни совершилась в душе, это великое и высокое чувство» (Победоносцев, 1926: 33, письмо от 15 мая 1883 г.), а в поминальной речи утверждал применительно ко всему царствованию: «душа народная слилась с его душой» (Победоносцев, 1996: 168);

2) «истинно русских», «живых русских людей» или хотя бы тех, в ком, как в графе Н. П. Игнатъеве, «звонит серебро русского инстинкта» ([Победоносцев], 1995: 184) — способных слышать голос «простого народа», отзываться на запросы «жизни», сочувствовать «живому делу», тех, в ком образование и воспитание не истребило или не изменило до неузнаваемости «русской души»;

3) [интеллигенция], те, кто усвоил «отвлеченный идеал» (Победоносцев, 1996: 166), утратил связь со своим народом, «заклучившие себя от всего мира в скорлупу отвлеченного мышления» (Победоносцев, 1996: 371). Так, сугубо критически восприняв представленный Б. А. Чичериным после 1 марта 1881 года проект созывает законсовещательного представительства (см.: Победоносцев, 1923: 104–120 и сл.), Победоносцев отзывался о своем многолетнем приятеле (с которым после этого наступил разрыв, продолжавшийся почти вплоть до кончины Чичерина в 1904 г.) в письме к С. А. Рачинскому: «Он честный человек, но голова у него просечена прямыми линиями... *В нем не бьется живая жилка духовной жизни народной* [выделено нами. — А. Т.]» (письмо от 29 июля 1882 года, цит. по: Полунов, 2010а: 147). Еще более характерно противопоставление на сей раз «чиновничества» и «здравых и простых людей» в письме к Александру III от 4 марта 1881 года с описанием реакции на манифест от 29 апреля или утверждение из письма тому же корреспонденту от 10 июля 1881 года: «все зло у нас шло сверху, от чиновничества, а не снизу» (Победоносцев, 1925: 338, 346);

4) «иностранческий элемент», которому следовало «не уступать» (Победоносцев, 1996: 167)⁸ в том случае, когда не было возможности обрусить, путь к чему виделся в принятии православия как ключевой составляющей «русскости» (Победоносцев, 1996: 156)⁹;

8. Большая часть вербальных примеров заимствована из речи К. П. Победоносцева «Государь императора Александр Александрович», прочитанной на собрании ИРИО в присутствии Николая II. Об этом чтении сохранилась дневниковая запись А. А. Половцова от 6 апреля 1895 г.: «Победоносцев прочитал речь, в которой при весьма изящной внешней литературной форме изложил те свои политические идеалы нетерпимости, односторонности, насилия, эгоизма и непонимания высших человеческих стремлений, хвастаясь тем, что он и его единомышленники успели наполнить ими голову покойного Государя. Очевидно, то было назидание юному монарху идти по тому же грустному пути» (Половцов, 2014: 147).

9. Вполне типично для консервативной мысли Победоносцев среди «иностранческого элемента» выделял евреев, рассматривая их как своего рода агентов современности, — так, Ф. М. Достоевскому он писал: «А что Вы пишете о жидах, то совершенно справедливо. Они все заполнили, все подточили, однако за них *дух века сего*. Они в корню революционно-социального движения и цареубийства, они владеют периодической печатью, у них в руках денежный рынок, к ним попадает в денежное рабство масса народная, они управляют и началами нынешней науки, стремящейся стать вне христианства» (Гроссман, 2015 [1934]: 101, письмо от 19 августа 1879 г.).

5) «простой народ» — его свойство верно чувствовать, даже если ошибочно понимать. Так, например, «простой человек, приближаясь к» Александру III, «чувствовал свое душевное сродство с Русским Государем» (Победоносцев, 1996: 166) — и это было одновременно свидетельство и действительной простоты приближающегося, и высоких достоинств государя. В письме, написанном два дня спустя после убийства Александра II, Победоносцев, например, усиливает свой голос, выступая перед лицом молодого государя как репрезентант «простых людей»: «не один я тревожусь: эту тревогу разделяют все простые русские люди» и следом добавляет — «сегодня было у меня несколько простых людей» (Победоносцев, 1925: 315, письмо от 3 марта 1881 г.). Голосом этих «простых людей» может выступать, например, «извозчик», разговор с которым передает Победоносцев государю, поздравляя его с наступающим 1883 годом (Победоносцев, 1925: 400, письмо от 31 декабря 1882 г.). Впрочем, такое качество, как принадлежность к «простым людям», распространяется и на самого Победоносцева — теперь уже не передающего «их» слова, а прямо говорящего как один из них в особенно эмоциональные моменты, когда преграды, отделяющие одни сословия или классы от других, падают: «Веруем мы, простые русские люди, что он не оставит вас и с вами бедную, страдающую и верующую Россию!» — писал он императору 4 марта 1887 года, вскоре после неудавшейся попытки покушения на Александра III, предпринятой «Террористической фракцией „Народной воли“» во главе с П. Я. Шевыревым (Победоносцев, 1926: 140).

В этой схеме отчетливо заметно влияние славянофильских идей — об историческом разрыве между «Землей» и «Государством», об образованном обществе, утратившем связь со своим народом, и т. д. Вместе с тем есть и фундаментальное различие — если для славянофилов речь идет о том, чтобы преодолеть пропасть между «простым народом» и «образованным обществом», дабы мог возникнуть единый «народ» и «общество» как орган его самосознания, «Земля» как самостоятельная сила (Тесля, 2012), то в логике Победоносцева подобная цель если не отрицается (Константин Петрович вообще не был склонен к радикальному отрицанию¹⁰), то мыслится находящейся в далекой перспективе. Более того, любые попытки двинуться в данном направлении сейчас воспринимаются им как опасные, безрассудные (Полунов, 2015) — надежда возлагается только на медленный, «органический» рост, который когда-нибудь приведет, возможно, к желаемому результату. В известном письме Александру III в ответ на ставшую известной инициативу гр. Н. П. Игнатьева о созыве Земского собора одновременно с коронацией Победоносцев писал:

По истинной правде и по долгу совести и присяги, по здравому смыслу, по любви к отечеству обязываюсь сказать, что считаю это дело безумным! Не

---

10. См. замечание о будущем русской церкви в цитированном выше фрагменте из письма к Е. Ф. Тютчевой от 20 декабря 1881 г.

диво, что Аксаков проповедует его на листах газеты: диво, что государственный человек вдруг решается пустить его в ход.

Если б я и веровал в земские соборы древней России, то остановился бы в недоумении перед такою мыслью. Древняя Русь имела цельный состав, в простоте понятий, обычаев и государственных потребностей, не путалась в заимствованных из чужой, иноземной жизни формах и учреждениях, не имела газет и журналов, не имела сложных вопросов и потребностей. А теперь нам предлагается из современной России, содержащей в себе вселенную двух частей света, скликать пестрое разношерстное собрание. Тут и Кавказ, и Сибирь, и Средняя Азия, и балтийские немцы, и Польша, и Финляндия! И этому-то смешению языков предполагается предложить вопрос о том, что делать в настоящую минуту. В моих мыслях — это верх государственной бессмыслицы. Да избавит нас господь от такого бедствия! (Победоносцев, 1925: 380–381, письмо от 4 мая 1882 г.)

Подобная установка была связана с общим восприятием хрупкости существующего порядка — отнюдь не только российского. Так, статью о «церковных делах в Германии», опубликованную в редактируемом Ф. М. Достоевским «Гражданине», Победоносцев закончил следующими словами: «... человек нового мира составлен из тех же стихий, стоит, как и прежде, *на самом рубеже хаоса*, и не выходит из кризиса, в котором находилось человечество постоянно, с первой минуты бытия своего. Одна черта, одно мгновение — и может открыться перед нами и около нас тот хаос, от которого отделяет нас тонкая, щегольская и обольстительная перегородка цивилизации» (Победоносцев, 2010: 86).

В речи на совещании 8 марта 1881 года (в передаче Е. А. Перетца) Победоносцев утверждал: «Бедный народ, предоставленный сам себе, стал несчастной жертвой целовальников, кулаков, жидов и всяких ростовщиков» (цит. по: Христофоров, 2011: 332). Охранительная политика, отстаиваемая Победоносцевым, заключалась в попытках сохранить «тонкую... перегородку цивилизации», по возможности ничего не трогая, — в надежде на «жизнь», «живые силы», которые сумеют найти выход, делая свои малые дела. Проблема, с которой столкнулся Победоносцев, заключалась, однако, в том, что в попытках не допустить перемен приходилось постоянно что-то менять, политика, рассчитанная на «жизнь», на «естественный ход вещей», который мудрее любого плана, на то, чтобы искать «живых людей», а не менять учреждения¹¹, — не учитывала одного: изменившегося темпа событий. Будучи зорким наблюдателем, Победоносцев замечательно фиксировал перемены — например, хорошо понял изменившуюся роль общественного мнения, значение печати в его формировании — но ответ у него оставался неизменным, лишь с течением времени менялось представление о будущем, ожидания делались все более безнадежными. Так, согласно воспоминаниям Е. М. Феоктистова, Победоносцев

---

11. 5 октября 1873 г., рассказывая цесаревичу о своих делах в Госсовете, Победоносцев писал: «Впереди множество новых законов, но, право, приступаешь к ним со стесненным сердцем. *Хочется верить в новых людей, а не в новые законы. Их уже столько накопилось, что люди с ними не справятся* [выделено нами. — А. Т.]» (Победоносцев, 1925: 18).

утверждал: «Никакая страна в мире не в состоянии была избежать коренного переворота, что, вероятно, и нас ожидает подобная же участь и что революционный ураган очистит атмосферу» (Феоктистов, 1991: 219).

Афоризм Победоносцева о «лихом человеке», бродящем или гуляющем «по ледяной пустыне», который вспоминают и З. Н. Гиппиус, и В. В. Розанов (см.: Репников, 2010: 365), — не только диагноз, поставленный Победоносцевым русскому обществу в начале XX века, но и признание краха его конструкции. В предложенной им идеологической схеме было место только для «Русского Государя» и «простых людей», для всех, кто не укладывался в чаемую «простоту», была заготовлена только ячейка «болезни»: их надлежало «чистить... сверху» (Победоносцев, 1925: 346, письмо от 10 июля 1881 г.), но болезнь дошла почти до самого «верха». Делясь своими впечатлениями от Петербурга, Победоносцев, например, писал цесаревичу 14 декабря 1879 года: «От всех здешних чиновных и ученых людей душа у меня наболела, точно в компании полоумных людей или исковерканных обезьян. Слышу отовсюду одно натверженное, лживое и проклятое слово: конституция» (Победоносцев, 1925: 249). Вся надежда оказывалась на цесаревича — и на «простой народ», который сам только верно чувствовал, но не действовал, в свою очередь, возлагая всю надежду на Александра Александровича:

Но я вижу и слышу здоровых русских людей в крайнем смущении. Душа у них объята страхом — боятся больше всего именно этого коренного зла, конституции. Повсюду в народе зреет такая мысль: лучше уже революция русская и безобразная смута, нежели конституция. Первую еще можно побороть вскоре и водворить порядок в земле; последняя есть яд для всего организма, разъедающий его постоянною ложью, которой русская душа не принимает.

<...> В нынешнее правительство так уже все изверились, что *ничего от него не чают*. Ждут в крайнем смущении, что еще будет, но народ глубоко убежден, что правительство состоит из *изменников*, которые держат слабого царя в своей власти.

Всю надежду возлагают, в будущем, *на вас*, и у всех только в душе шевелится страшный вопрос: неужели и наследник может когда-нибудь войти в ту же мысль о конституции. <...>

Важно то, что эта мысль глубоко засела *в народе*: по деревням и по уездным городам простые люди, обсуждая простым здравым смыслом и горячею душою нынешние события, говорят об этом, — там уже знают, что такое конституция, и опасаются этого больше всего на свете. (Победоносцев, 1925: 249)

Между «простым народом» и «Русским Государем» не допускалось никакое «средостение» и в то же время для Победоносцева была неприемлема никакая форма массовой мобилизации, активности «простого народа», выходящая за пределы частных, местных дел: но тем самым неизбежно единственным способом действия для «Русского Государя» оказывалось действие посредством чиновничества. В 1881 году Победоносцев испытывал надежду на оздоравливающее действие и самого государя, и поставленных им достойных людей — способных каждый

подобрать себе таких же и тем самым исцелить царство или, по крайней мере, не дать болезни распространяться дальше, используя предпочитаемые Победоносцевым органические метафоры. В своем позднем дневнике, уже после отставки с поста государственного секретаря, Половцов сохранил рассказ Победоносцева:

...в тот день, когда в Комитете министров докладывалось представление Витта¹² о приобретении в казну железнодорожных линий Главного общества, он, Победоносцев, сказал Виту: «Я здесь так давно сижу, что был свидетелем и того, как Московскую дорогу правительство продало Главному обществу, и того, как объявлено было, что дороги будут строиться казной и принадлежать казне, и того, как вслед за тем частные общества стали строить дороги и покупать их от казны». <...>

Стоявший возле государственный контролер Филиппов, имеющий обыкновение всегда говорить в смысле угодном сильному, поспешил, хотя и не спрошенный, отвечать: «В этом-то, Константин Петрович, и мудрость правительства, что оно следует линии, хотя и кривой, но изящной».

Победоносцев: «Дай Бог, чтобы по пословице кривая вывезла». (Половцов, 2014: 52–53, запись от 17 сентября 1893 г.)

Известный американский исследователь русского консерватизма Р. Таден в свое время назвал воззрения Победоносцева «бюрократическим национализмом» (Thaden, 1964), в то время как первый академический биограф Победоносцева — Р. Бирнс подчеркивал его стремление управлять «посредством людей, а не институтов» (Burnes, 1969; Полунов, 2010б: 10). Действительно, характеристика Тадена вроде бы совершенно не подходит ни к оценке взглядов Победоносцева, ни к его практикам — обер-прокурор тратил невероятно много времени и сил на то, чтобы вырваться из пут канцелярии, на поездки по стране, встречи с самыми разными людьми, на внимание к вопросам, зачастую далеким от его собственного ведомства (что навлекало предсказуемое недовольство коллег). И тем не менее она оказывается верной — не применительно к заявленным целям и не по отношению к тому результату, к которому стремился Победоносцев, но по объективному результату: бюрократия оказывалась единственным приводным ремнем, имеющимся в распоряжении у системы.

* * *

Подводя итог, отметим, что система политических представлений К. П. Победоносцева в 1870–1890-х годах строилась на следующих ключевых положениях:

1) Типичное для консерватизма противопоставление «органического», «естественного» — «искусственному» и «конкретного» — «абстрактному», где первый член дихотомии оценивался положительно.

12. Так Половцов записывал фамилию С. Ю. Витте.

2) В силу этого изменение принималось только тогда, когда оно вызревало «естественным» порядком, либо когда уже вошло в общий «порядок вещей». Являясь само по себе искусственным вторжением, оно стало частью нового исторического порядка и противодействовать ему, в том числе ради восстановления «старины», значило бы вновь действовать искусственным образом.

3) Всякий порядок вещей является конкретным — существующим в своем месте и времени. Из этого следует, например, позитивное отношение к английскому конституционному опыту, по крайней мере до парламентской реформы 1867 года, или к либеральным установлениям в конкретных европейских странах. Критику вызывает иное — рассмотрение представительства как универсального идеала, кризис либеральных учреждений перед лицом демократии и т. п. В данном отношении показателен «Московский сборник», где присутствует критика западноевропейских порядков, для убедительности ведущая преимущественно европейскими авторитетами (Т. Карлейлем, Дж. С. Миллем, Г. Спенсером, М. Нордау). Она была призвана продемонстрировать не столько их негодность, сколько неспособность служить в качестве идеала.

4) Существующее ныне заслуживает позитивной оценки уже на том основании, что оно существует. В отличие от противостоящего ему проектируемого изменения, которому только надлежит осуществиться и практика осуществления которого неизбежно будет отличаться от нынешних представлений о нем.

5) Следовательно, желательны только постепенные и ограниченные изменения — «люди, а не учреждения». Конкретные люди создают новые практики или улучшают, модифицируют существующие, их опыт затем тиражируется, возникшие отношения институционализируются и т. д. В связи с этим Победоносцев выступал как против конкретных «либеральных реформ», так и против «контрреформ», одинаково видя и в тех и в других насилие над «жизнью».

Две основные проблемы, с которыми сталкивался Победоносцев при приложении своих идей к практике, заключались, во-первых, в факторе времени и, во-вторых, в принципиальном конфликте с «образованным слоем». Логика консервативных воззрений Победоносцева предполагала практически неограниченный временной ресурс для реализации необходимых постепенных изменений, для «органического роста». Вместе с тем все возрастающий темп происходящих в стране и мире изменений приводил к тому, что перспектива начинала оцениваться преимущественно негативно. Вопреки утверждаемой логике «органических изменений» начинала преобладать логика приостановки, замедления перемен, расценивающихся как преимущественно негативные, из чего следовала необходимость принятия новых мер, призванных замедлить нежелательные изменения и поддержать должные тенденции. Победоносцев за четвертьвековое пребывание на посту обер-прокурора Св. Синода оказался весьма деятельным реформатором: он организовал церковно-приходские школы, принял меры по «обручительной политике» в Остзейских губерниях, активно противодействовал бурятскому буддизму, боролся с расколом. Стремление избежать «искусственности» приводило к при-

оритету административных мер, осуществляемых за пределами законодательного регулирования, утверждало практику «усмотрения» и сохранения режима «особой охраны», т. е. стирания границы между чрезвычайным положением и нормой.

В констатации второй проблемы Победоносцев оказался парадоксально близок к Чичерину, писавшему в 1878 году, что существует «возможность только двух путей: к демократическому цезаризму и к конституционному порядку» (Чичерин, 1906: 15). В его конструкции пару «царю» составлял «простой народ», тогда как все промежуточное оказывалось подозрительным. Вместе с тем Победоносцев был принципиально далек от «демократического цезаризма» — его реакция на поставленную Чичериным дихотомию заключалась в том, чтобы максимально продлить время до ответа, в надежде, что за это время сам вопрос окажется неактуален.

Победоносцев на протяжении всей своей интеллектуальной биографии демонстрировал удивительное постоянство мысли в сочетании с интеллектуальной восприимчивостью. Он был живым наблюдателем происходящих споров, сохраняя неизменность той оптики, сквозь которую воспринимал последние. Однако его воззрения могут служить замечательным примером «маскирующей» роли идеологии: на практике большинство из отстаиваемых им тезисов служили обоснованием и защитой тем установлениям и действиям, которые им прямо противоречили. Отстаивая обычное течение дел, «тишину», Победоносцев стал одним из столпов режима чрезвычайного положения, неизменно критикуя бюрократию и восславляя «простого человека», он последовательно отсекал большинство способов внешнего контроля за деятельностью бюрократической машины и т. д. Представляется, что его случай типичен для последовательного консерватизма, выступающего не как орудие критики, а как идеология государственной власти. Или, точнее, как один из инструментов в ее арсенале, позволяющих обосновывать изменения через сохранение неизменности и неизменность через стремление дать ход «органическим» переменам.

Список сокращений

ИРЛИ РАН — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

ИРИО — Императорское Русское историческое общество

ПСЗ РИ — Полное собрание законов Российской империи

Литература

Ведерников В. В. (2010). К. П. Победоносцев — публицист «Гражданина» // *Победоносцев К. П. «Будь тверд и мужественен...» Статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма / Под ред. В. В. Ведерникова. СПб.: Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости. С. 5–53.*

- Витте С. Ю. (1924). Воспоминания. Т. III: Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). Л.: Государственное издательство.
- Витте С. Ю., Победоносцев К. П. Переписка Витте и Победоносцева (1895–1905) // Красный Архив. 1928. Т. 5. № 30. С. 89–116.
- [Гиляров-Платонов Н. П., Победоносцев К. П.] (2011). Разумевающие верой: переписка Н. П. Гилярова-Платонова и К. П. Победоносцева (1860–1887) / Сост., подг. текстов и коммент. А. П. Дмитриева. СПб.: Росток.
- Гроссман Л. П. (2015 [1934]). Достоевский — реакционер. Достоевский и правительственные круги 1870-х годов. Письма консерваторов к Достоевскому / Науч. ред. О. Золотько. М.: Common place.
- Загоровский А. И. (2003 [1909]). Курс семейного права / Под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало.
- Зайончковский П. А. (1970). Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Наука.
- Карпович М. М. (2012). Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века) / Пер. с англ. А. И. Кырлежева, Е. Ю. Моховой. М.: Русский путь.
- Марей А. В. (2017). Авторитет, или Подчинение без насилия. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Пешков А. И. (1996). «Кто разоряет — мал во Царствии Христовом...» // Победоносцев К. П. Сочинения / Вступ. ст. и прим. А.И. Пешкова. СПб.: Наука. С. 3–33.
- [Победоносцев К. П.] (1859). Граф В. П. Панин. Министр юстиции // Голоса из России. Книжка VII. London: Trübner & Co.
- [Победоносцев К. П.] (1897 [1893]). Очерк жизни и деятельности Ле-Пле // Ле-Пле [П. В. Ф.] Основная конституция человеческого рода. С очерком жизни и деятельности автора / Издание К. П. Победоносцева. М.: Синодальная типография.
- [Победоносцев К. П.] (1923). К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. С предисловием М. Н. Покровского. Т. I: Novum Regnum. Полутом 1. М., Пг.: Государственное издательство.
- Победоносцев К. П. (1925). Письма Победоносцева к Александру III. Т. I / Предисл. М.Н. Покровского. М.: Новая Москва.
- Победоносцев К. П. (1926). Письма Победоносцева к Александру III. Т. II. С приложением писем к в. кн. Сергею Александровичу и Николаю II. М.: Новая Москва.
- [Победоносцев К. П.] (1935). Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову / Вступ. ст. Б. Горева; публ. и коммент. И. Айзенштока // Литературное наследство. Т. 22–24. С. 497–560.
- [Победоносцев К. П.] (1995). К. П. Победоносцев в 1881 г. Письма к Е. Ф. Тютчевой / Публ. А. Ю. Полунова // Река времен. Вып. 1. М.: Эллис Лак. С. 178–189.
- Победоносцев К. П. (1996). Сочинения / Вступ. ст. и прим. А.И. Пешкова. СПб.: Наука.
- Победоносцев К. П. (2010). «Будь тверд и мужественен...» Статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма / Под ред. В. В. Ведерникова. СПб.: Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости.

- Половцов А. А.* (2005). Дневник Государственного секретаря. В 2 тт. Т. 1 / Подгот. текста П. А. Зайончковского; вступ. ст. Л. Г. Захаровой. М.: Центрполиграф.
- Половцов А. А.* (2014). Дневник. 1893–1909 / Сост. О. Ю. Голечковой. СПб.: Женский проект, Алетейя.
- Полунов А. Ю.* (2010а). К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: РОССПЭН.
- Полунов А. Ю.* (2010б). Константин Петрович Победоносцев: вехи политической биографии. М.: МАКС-пресс.
- Полунов А. Ю.* (2015). Славянофильское министерство: Победоносцев и граф Игнатъев в начале 1880-х годов // Родина. № 2. С. 31–34.
- Репников А. В.* (2010). Победоносцев, Константин Петрович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН. С. 362–368.
- Твардовская В. А.* (1990). Достоевский в общественной жизни России. М.: Наука.
- Тесля А. А.* (2012). Запрещенная 6-я статья И. С. Аксакова из цикла «О взаимном отношении народа, общества и государства» // Социологическое обозрение. Т. 11. № 2. С. 41–70.
- Тимошина Е. В.* (2000). Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К. П. Победоносцев. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет.
- Тимошина Е. В.* (2002а). Консервативные особенности цивилистической концепции К. П. Победоносцева // *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М.: Статут. С. 50–64.
- Тимошина Е. В.* (2002б). «Я вижу ясно путь и истину...» // *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М.: Статут. С. 7–49.
- Феоктистов Е. М.* (1991). За кулисами политики и литературы (1848–1896): воспоминания. М.: Новости.
- Флоровский Г.*, прот. (1989). Пути русского богословия. Paris: YMCA-Press.
- Христофоров И. А.* (2011). Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Собрание.
- Чичерин Б. Н.* (1906). Конституционный вопрос в России. Рукопись 1878 года. СПб.: Товарищество Печатного Станка.
- Byrnes R.* (1968). Pobedonostsev: His Life and Thought. Bloomington: Indiana University Press.
- Thaden E.* (1964). Conservative Nationalism in Nineteenth Century Russia. Seattle: University of Washington Press.

The Russian Conservative: On the System of K. P. Pobedonostsev's Political Views in the 1870–1890s

Andrey Teslya

Associate Professor, School of Social Studies and Humanities, Pacific State University

Address: Tihookeanskaya str., 136, Khabarovsk, Russian Federation 680035

E-mail: mestr81@gmail.com

Konstantin Petrovich Pobedonostsev (1827–1907) is one of the most prominent and politically influential representatives of the Russian conservative and nationalist lines of thought. For a quarter century, he held the position of ober-procurator of the Holy Synod, undertaking a more-or-less active interference into the other directions of the ideological policy of the Russian Empire. At times, his influence turned out to be decisive, or at least significant. Our aim is to show that Pobedonostsev possessed consistent political views but underwent rather subtle alterations that were definitive for the direction of his political efforts. Our primary focus is on the system of ideas of the organization of Russian monarchy, as reconstructed on the basis of utterances in articles and epistolary heritage, though first of all on the analysis of the concepts of “lowborn folk” and “lowborn people” in their political meaning. We also focus on his understanding of the nature of the Russian monarchy and the idea of the ideal “Russian Sovereign.” “Being lowborn” is understood by Pobedonostsev as the ability to “feel properly”, that is, the truthfulness of an immediate reaction which cannot be obscured with consequential pressures or one’s own reflexive agency. Pobedonostsev claims that his own role, as well as the role of those of his kind close to the throne, is to be the spokesman of feelings and aspirations of those “lowborn people,” and, in the most responsible cases, to become a “lowborn man” himself, reacting to what is happening in accordance with “people’s feelings,” “tradition”, and “legend.” Additionally, the concept of “freedom” within Pobedonostsev’s views, and its relation to the notions of “authority” and “free might,” is analyzed.

Keywords: Pobedonostsev, bureaucracy, conservatism, nationalism, Slavophilism, 1880s counter-reforms

References

- Byrnes R. (1968) *Pobedonostsev: His Life and Thought*, Bloomington: Indiana University Press.
- Chicherin B. (1906) *Konstitucionnyj vopros v Rossii. Rukopis' 1878 goda* [The Question of Constitution in Russia. The 1878 Manuscript], Saint Petersburg: Tovarishhestvo Pechatnogo Stanka.
- Feoktistov E. (1991) *Za kulisami politiki i literatury (1848–1896): vospominaniya* [Behind the Curtains of Politics and Literature (1848–1896): Reminiscences], Moscow: Novosti.
- Florovsky G. (1989) *Puti russkogo bogoslovija* [The Ways of Russian Theology], Paris: YMCA-Press.
- Giliarov-Platonov N., Pobedonostsev K. (2011) *Razumevajushhie veroj: perepiska N. P. Giljarova-Platonova i K. P. Pobedonostseva (1860–1887)* [Understanding with Faith: Correspondence Between N. P. Giliarov-Platonov and K. P. Pobedonostsev (1860–1887)] (ed. A. Dmitriev), Saint Petersburg: Rostok.
- Grossman L. (2015) *Dostoevskij — reakcioner. Dostoevskij i pravitel'stvennye krugi 1870-h godov. Pis'ma konservatorov k Dostoevskomu* [Dostoevsky the Reactionary. Dostoevsky and the Establishment of the 1870s. The Conservatives' Letters to Dostoevsky] (ed. O. Zolotko), Moscow: Common place.
- Khrstoforov I. (2011) *Sud'ba reformy: russkoe krest'janstvo v pravitel'stvennoj politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-e gg.)* [The Destiny of the Reform: Russian Peasantry in the Establishment Politics Before and After Abolition of the Law of Serfdom (1830–1890s)], Moscow: Sobranie.
- Karpovich M. (2012) *Lekcii po intellektual'noj istorii Rossii (XVIII — nachalo XX veka)* [Lectures on Intellectual History of Russia (18th — beginning of 20th Century)], Moscow: Russkij put.

- Marey A. (2017) *Avtoritet, ili Podchinenie bez nasilija* [Authority, or Subjection Without Violence], Saint Petersburg: EUSPb Press.
- Peshkov A. (1996) "Kto razorjaet — mal vo Carstvii Hristovom..." ["The One Who Ruins is Small in Kingdom of Christ"]. Pobedonostsev K. P., *Sochinenija* [Collected Works] (ed. A. Peshkov), Saint Petersburg: Nauka, pp. 3–33.
- [Pobedonostsev K.] (1859) Graf V. P. Panin. Ministr justicii [Earl V. P. Panin. The Minister of Law]. *Golosa iz Rossii. Knizhka VII* [Voices from Russia, Book VII], London: Trübner & Co.
- [Pobedonostsev K.] (1897 [1893]) Oчерk zhizni i dejatel'nosti Le-Ple [Outline of Le-Ple's Life and Activity]. Le-Ple P. V. F., *Osnovnaja konstitucija chelovecheskogo roda* [The Basic Constitution of Human Genera], Moscow: Sinodalnaja tipografija.
- [Pobedonostsev K.] (1923) *K. P. Pobedonostsev i ego korrespondenty. Pis'ma i zapiski. T. I: Novum Regnum. Polutom 1* [K. P. Pobedonostsev and His Correspondents, Vol. I: Novum Regnum. Half-Volume 1], Moscow, Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Pobedonostsev K. (1925) *Pis'ma Pobedonostseva k Aleksandru III. T. I* [Pobedonostsev's Letters to Alexander III, Vol. I] (ed. M. Pokrovsky), Moscow: Novaja Moskva.
- Pobedonostsev K. (1926) *Pis'ma Pobedonostseva k Aleksandru III, T. II* [Pobedonostsev's Letters to Alexander III, Vol. II], Moscow: Novaja Moskva.
- [Pobedonostsev K.] (1935) *Pis'ma K. P. Pobedonostseva k E. M. Feoktistovu* [K. P. Pobedonostsev's Letters to E. M. Feoktistov] (eds. B. Gorev, I. Aizenshtok). *Literaturnoe nasledstvo*, vol. 22–24, pp. 497–560.
- [Pobedonostsev K.] (1995) K. P. Pobedonostsev v 1881 g. Pis'ma k E. F. Tjutchevoj [K. P. Pobedonostsev in 1881. Letters to E. F. Tjutcheva] (ed. A. Polunov). *Reka vremen. T. 1* [River of Times, Vol. 1], Moscow: Jellis Lak, pp. 178–189.
- Pobedonostsev K. (1996) *Sochinenija* [Collected Works] (ed. A. Peshkov), Saint Petersburg: Nauka.
- Pobedonostsev K. (2010) "Bud tverd i muzhestvenen..." *Statji iz ezhenedelnika "Grazhdanin" 1873–1876. Pisma* ["Be Strong and Courageous..." Articles from the Citizen Weekly Newspaper 1873–1876. Letters] (ed. V. Vedernikov), Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskie Eparhial'nye vedomosti.
- Polovtsov A. (2005) *Dnevnik Gosudarstvennogo sekretarja. T. 1* [The Diaries of State Secretary, Vol. 1] (ed. P. A. Zaionchkovskiy), Moscow: Centrpoligraf.
- Polovtsov A. (2014) *Dnevnik. 1893–1909* [The Diaries, 1893–1909] (ed. O. Golechkova), Saint Petersburg: Aleteija.
- Polunov A. (2010) *K. P. Pobedonostsev v obshchestvenno-politicheskoi i duhovnoj zhizni Rossii* [K. P. Pobedonostsev in Socio-Political and Spiritual Life of Russia], Moscow: ROSSPEN.
- Polunov A. (2010) *Konstantin Petrovich Pobedonostsev: vehi politicheskoi biografii* [Konstantin Petrovich Pobedonostsev: The Landmarks of Political Biography], Moscow: MAKS-press.
- Polunov A. (2015) Slavjanofil'skoe ministerstvo: Pobedonostsev i graf Ignat'ev v nachale 1880-h godov [The Slavophil Ministry: Pobedonostsev and Earl Ignatiev in the Beginning of 1880s]. *Rodina*, no 2, pp. 31–34.
- Repnikov A. (2010) Pobedonostsev, Konstantin Petrovich [Pobedonostsev, Konstantin Petrovich]. *Russkij konservatizm serediny XVIII — nachala XX veka* [Russian Conservatism in the Middle of the 17th — Beginning of the 20th Century] (ed. V. Shelohaev), Moscow: ROSSPEN, pp. 362–368.
- Teslya A. (2012) Zapreshhennaja 6-ja stat'ja I. S. Aksakova iz cikla "O vzaimnom otnoshenii naroda, obshchestva i gosudarstva" [The Censored 6th Article by Ivan Aksakov from the Series "On the Mutual Relationship between People, Society and State"]. *Russian Sociological Review*, vol. 11, no 2, pp. 41–70.
- Thaden E. (1964) *Conservative Nationalism in Nineteenth Century Russia*, Seattle: University of Washington Press.
- Timoshina E. (2000) *Politiko-pravovaja ideologija ruskogo poreformennogo konservatizma: K. P. Pobedonostsev* [The Politico-Juridical Ideology of Russian Post-Reform Conservatism: K. P. Pobedonostsev], Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
- Timoshina E. (2002) Konservativnye osobennosti civilisticheskoi koncepcii K.P. Pobedonostseva [The Conservative Features of Civilistic Conception of K. P. Pobedonostsev]. Pobedonostsev K. P., *Kurs grazhdanskogo prava. Pervaja chast': Votchinnye prava* [The Course of Civil Law. Part One: Patrimonial Law], Moscow: Statut, pp. 50–64.

- Timoshina E. (2002) "Ja vizhu jasno put' i istinu..." ["I See Clearly the Way and Truth..."]. Pobedonostsev K.P., *Kurs grazhdanskogo prava. Pervaja chast': Votchinnye prava* [The Course of Civil Law, Part One: Patrimonial Law], Moscow: Statut, pp. 7–49.
- Tvardovskaja V. (1990) *Dostoevskij v obshhestvennoj zhizni Rossii* [Dostoevskij in Social Life of Russia], Moscow: Nauka.
- Vedernikov V. (2010) K. P. Pobedonostsev — publicist "Grazhdanina" [K. P. Pobedonostsev as a Publicist of the "Grazhdanin"]. Pobedonostsev K. P., "Bud tverd i muzhestvenen..." *Statii iz ezhenedel'nika "Grazhdanin" 1873–1876. Pisma* ["Be Strong and Courageous..." Articles from the Citizen Weekly Newspaper, 1873–1876. Letters] (ed. V. Vedernikov), Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskie Eparhial'nye vedomosti, pp. 5–53.
- Vitte S. (1924) *Vospominanija. T. III: Detstvo. Carstvovanija Aleksandra II i Aleksandra III (1849–1894)* [Reminiscences, Vol. III: Childhood. The Emperorship of Aleksandr II and Aleksandr III (1849–1894)], Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Vitte S., Pobedonostsev K. (1928) *Perepiska Vitte i Pobedonostseva (1895–1905)* [Vitte—Pobedonostsev Correspondence, 1895–1905]. *Krasny Arhiv*, vol. 5, no 30, pp. 89–116.
- Zagorovskij A. (2003 [1909]) *Kurs semejnogo prava* [The Course of Family Law] (ed. V. Tomsinov), Moscow: Zerkalo.
- Zayonchkovskij P. (1970) *Rossijskoe samodержavie v konce XIX stoletija* [The Russian Autocracy at the End of XIXth Century], Moscow: Nauka.